

Коминтерн

Коммунистическое движение в Турции.

I.

Коммунизм и террор кемалистского правительства.

Коммунистическое движение с момента своего зарождения непрерывно росло и ширилось. Оно не было летальным, но власти относились к нему с большой терпимостью. В начале 1925 года положение партии с точки зрения ее состава, работы и влияния было довольно благоприятно. Работники, которым было поручено руководство профессиональным движением, сумели утвердить свой авторитет почти во всех профсоюзах. Благодаря заводским ячейкам и профсоюзным фракциям, влияние партии на рабочих было довольно сильно. Коммунистический орган «Атдинлик», который до тех пор выходил в количестве 1.000 экземпляров, удвоил свой тираж. По требованию масс, находящихся под коммунистическим влиянием, «Атдинлик» был заменен еженедельной газетой под заглавием «Серп и Молот». Название этого органа пользовалось такой популярностью, что был создан неологизм: атдинликисты означало — коммунисты.

С первых номеров «Серпа и Молота», журнал встретил в рабочей среде самый горячий прием. Вокруг него сгруппировалась масса чисто пролетарских читателей — от 3-х до 4-х тысяч человек, жадно воспринимавших идеологию и лозунг коммунистов. Наряду с быстрым ростом читателей коммунистической прессы, разраслась и организаторская работа коммунистов. Это движение было очень интенсивным не только в Константинополе, но и в других более или менее индустриализованных городах. $\frac{2}{3}$ нашей печати поглощались последними.

Коммунистическое движение находилось на восходящей стадии развития до марта 1925 года. В разгаре плодотворной работы коммунистов, 5 марта 1925 г., кемалистская буржуазия нанесла ему страшный удар. Работа коммунистов всегда подвергалась бдительному надзору полиции. Для всех было ясно, что правительство воспользуется первым предлогом, чтобы положить предел работе коммунистов. Но декрет, которым сразу запрещены были два коммунистических органа, был по меньшей мере неожиданностью. В этот момент не произошло ничего такого, что объясняло бы эту драконовскую меру. Это просто было ничем не мотивированное насилие. Новый закон об «общественной безопасности», отменявший все конституционные гарантии, был представлен общественному мнению, как орудие, направленное исключительно против монархической реакции, но именно этим законом буржуазия воспользовалась, чтобы избавиться от своих противников — коммунистов. Интересно отметить, что в этот момент в последних номерах своих орга-

нов коммунисты проповедовали безжалостное подавление курдского восстания и обещали поддержку Народной партии в ее деятельности, направленной к ликвидации феодализма. Это ясно доказывает, что лишь чрезвычайно обостренное классовое сознание побудило молодую буржуазию связать по рукам и ногам авангард пролетариата.

Режим диктатуры, введенный Исмет-пашой 8 месяцев тому назад, внезапно разорвал связи, соединявшие коммунистов с рабочими массами. Все выдвинувшиеся за последние годы в качестве главарей рабочего движения, в качестве организаторов или теоретиков рабочего класса, были лишены свободы действия.

Коммунистическое движение, поставленное под удар, вынуждено было приспособиться к новым условиям борьбы и изменить форму работы. Но это еще не все. Надо было брести ощупью, прежде чем получить ясное и правильное представление о сложившейся обстановке и о соответствующих ей формах организации. В период между закрытием коммунистической прессы и последней конференцией партии мы можем отметить три фазы:

1) В первой фазе коммунисты считают себя достаточно сильными, чтобы принять вызов националистской буржуазии. На закрытие прессы они отвечают открытием нового органа в провинции. Они продолжают посещать профсоюзы и рабочие собрания. Они опубликовывают брошюру по поводу 1 мая 1925 года и организуют демонстрацию протеста против закрытия коммунистической прессы.

С их точки зрения происшедшие события, с одной стороны, служили поводом для оценки силы их влияния, а, с другой стороны, должны были углубить классовое сознание пролетариата и усилить его боевое настроение. Однако, несмотря на хорошие результаты брошюры и первомайских манифестаций, опыт показал, что движение не нашло достаточной опоры в массах, чтобы справиться с террором. Между прочим, правительство не задумалось покончить со всеми теми, которые, вопреки его мероприятиям, осмеливались продолжать свою агитацию. Эта стадия продолжалась с 5 марта до конца мая 1925 года.

2) Вторая фаза характеризуется арестами и процессом коммунистов. Начинается некоторая паника; люди, известные как руководители легальной работы среди коммунистов, привлечены к суду. Работает лишь нелегальный аппарат партии. Связь между центром и провинциями весьма недостаточна. Внимание всех сочувствующих коммунистическому движению устремлено на Ангорский Трибунал, который должен решить судьбу арестованных коммунистов. До 13 августа 1925 г. еще остаются некоторые иллюзии относительно возможности возобновления полуправильной деятельности.

3) Возмутительный приговор Трибунала рассеивает последние остатки этой иллюзии. 13 августа обвиняемые приговорены ко многим годам каторжных работ. После приговора суда самый факт принадлежности к коммунистическому движению рассматривается, как преступление, заслуживающее самой суровой кары.

Эта ничем не оправдываемая жестокость сначала взнуздавала энергию работников, избежавших ареста. Каждый понимал, что от националистской демократии нечего ждать. Молодые элементы, полные энтузиазма и инициативы, наполнили ряды партии и смело взялись за работу.

Но руководящий центр партии видел вокруг себя целый ряд препятствий, которые преграждали ему путь во всех его начинаниях. Первая его обязанность заключалась в том, чтобы во что бы то ни стало преодолеть начинающуюся панику и овладеть низовыми организациями партии; надо было возможно скорее восстановить более или менее разрушенные кадры, чтобы предупредить еще более губительную дезорганизацию. Не приняв этих неотложных мер, нельзя было и мечтать о сохранении контакта с рабочими, находившимися под влиянием партии, а потеря этого контакта была бы равносильна смерти партии. Проникнутый сознанием этой грозной опасности, руководящий центр через несколько времени после осуждения арестованных коммунистов начал посылать эмиссаров в провинцию для возобновления связи и подготовки регулярной конспиративной работы. Эти товарищи знакомились на месте с состоянием работы и объединяли оставшихся работников для осторожной и энергичной пропаганды и организации.

Начало было хорошее. Но в октябре прошлого года произошли новые аресты, в связи с открытием партийной переписки. На этот раз дезорганизация приняла еще более губительный характер, хотя провинциальные секции не были уничтожены, но они были совершенно изолированы от центра.

Обстановка еще раз резко изменилась к невыгоде коммунистов.

Таким образом с неопытным Центральным Комитетом, с малочисленными кадрами партия должна была отражать бешеные удары террора. Ни добрая воля, ни самоотвержение членов не могли побороть овладевшей ею на некоторое время пассивности. Задача была так трудна, что невозможно было справиться с ней при помощи тех ограниченных ресурсов, которые находились в распоряжении партии.

Тем не менее движение в провинции развивалось. Но оно все более и более концентрировалось вокруг вопросов второстепенного и местного значения. Общие интересы движения неизбежно от этого страдали. А политическая работа, в собственном смысле этого слова, была сведена к минимуму. Центральный Комитет мало-по-малу превращался в комитет областной.

Это сужение роли руководящего центра, наряду с относительным развитием провинциальных организаций, таило в себе весьма серьезную опасность. Если бы это положение затянулось, то в конце концов оно привело бы к «экономизму» и к распылению партии. Этой роковой развязке помешала лишь полная лояльность провинциальных товарищей по отношению к центру, пользующемуся доверием Коминтерна.

Опыт истекшего периода подчеркнул также важную роль прессы в развитии движения. В период, предшествовавший террору кемалистов, пресса партии широко компенсировала недостатки ее организации и в значительной мере способствовала ее развитию. Конечно, вредные последствия потери связей были бы в значительной степени нейтрализованы, если бы партии удалось во-время создать нелегальный орган.

II.

Симптомы нового под'ема.

Приблизительно 3 месяца тому назад началась новая фаза рабочего движения. В рабочих кругах идет глухое брожение. Пролетариат делает усилия, чтобы выйти из охватившего его оцепенения.

Почти каждый день правительственная буржуазная пресса — единственная пресса, терпимая кемалистами — печатает сведения о тех или иных выступлениях рабочих в той или иной отрасли производства или транспорта. В большинстве случаев рабочие под угрозой стачки пред'являют экономические требования.

Эти факты тем интереснее, что они развертываются как раз в тот момент, когда кемалистский террор достиг своего апогея и на площадях ежедневно воздвигаются виселицы.

Мы не будем упоминать о подробностях конфликтов, разыгрывающихся между хозяевами и рабочими, а лишь отметим наиболее важные из этих конфликтов.

Энергичные протесты рабочих трамвая вынудили правительство аннулировать выборы рабочих делегатов, прошедшие под давлением предпринимателей.

Константинопольские носильщики в числе 5.000 об'явили стачку протеста против монопольного «общества перевозок на суше», основанного кемалистскими депутатами и посягающего на право носильщиков заниматься своей профессией. Перед этим новым проявлением агрессивности молодой турецкой буржуазии заинтересованный слой рабочих ответил таким решительным протестом, что правительство обязалось найти компромиссное решение, которое могло бы их успокоить.

Двухнедельная стачка обеспечила рабочим железнодорожной линии Сома-Бандерми несколько незначительных уступок.

Далее отметим ряд конфликтов между рабочими константинопольского трамвая и электрической станции, восточных железных дорог (балканской и европейской линии), пекарей и т. д. и заинтересованными компаниями предпринимателей. Эти конфликты решаются, согласно закону о стачке, обязательным правительственным арбитражем. Правительство при этом склонно к таким компромиссам, при которых компании получают некоторое преимущество и за это соглашаются сделать незначительные уступки своим рабочим.

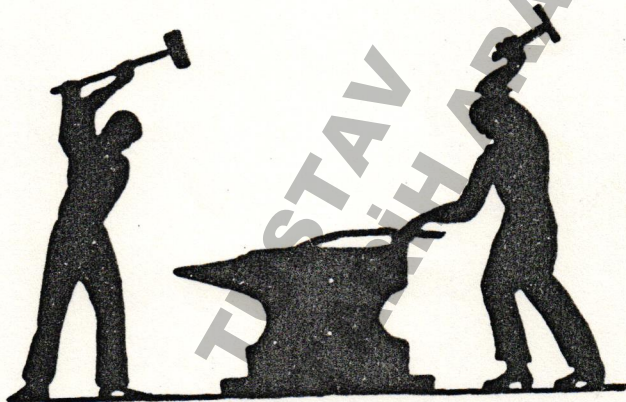
Таковы главные вопросы, острота которых волнует общественное мнение Турции. Но, и помимо этих фактов, всюду раздаются требования и протесты самого разнообразного характера.

Как характерное выражение настроений нынешнего момента, мы отметим несколько насильственных актов, совершенных рабочими по отношению к своим работодателям. На двух или трех фабриках с малыми промежутками времени и почти при одинаковых обстоятельствах несколько рабочих покушались на жизнь своих директоров или помощников директоров. Это были рабочие, выброшенные на улицу без достаточной мотивировки, которые в ответ на категорический отказ снова принять их на работу в припадке гнева мстили за свое несчастье, поражая того, кто в их глазах был его причиной.

Эти факты показывают, что в настроении рабочих происходит резкий перелом. Это открывает для коммунистов широкое поле деятельности. Волна требований и протестов дает им возможность расширить профессиональную организацию рабочего класса и вместе с тем углубить революционные тенденции рабочего движения.

Очень жаль, что коммунистическая партия еще не располагает центральным органом, безусловно необходимым для того, чтобы можно было извлечь максимум преимуществ из современной благоприятной для ее развития конъюнктуры.

Б. Ферди.

TÜRKİYE SOSYAL

TÜRKİYE İSTAV HAKKINDA ARAŞTIRMA VAKFI